

Мария Воейкова
Санкт-Петербург, Россия

КИТАЙСКАЯ ГРАМОТА: ОШИБКИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ В РУССКОМ ПИСЬМЕННОМ ТЕКСТЕ¹

1. Введение. Характер взаимодействия родного и изучаемого языка с учетом типологической дистанции

В 2013 г. я поехала в Пекин на два месяца по программе научного фонда «Русский мир», которая называется «Профессора русского мира». По замыслу организаторов этой программы, российские специалисты были направлены в разные страны на срок от 2-х до 4-х месяцев для чтения теоретических и практических курсов, связанных с преподаванием русского языка. Благодаря этой программе мы получили уникальную возможность побывать в Китае не как туристы, а как специалисты, взаимодействующие с китайскими русистами для того, чтобы познакомиться с практикой преподавания русского языка и разработать совместные программы обучения и исследования. В наши обязанности входило не только чтение лекций, но и некоторые практические занятия, а также проверка письменных работ учащихся. Это дало мне возможность собрать и зафиксировать данные письменных работ китайских студентов 3-го курса, которые и легли в основу данной статьи. Речь идет, таким образом, о направленном изучении русского языка в аудитории, причем студенты не только не находятся в русскоязычной среде, но, за редким исключением, никогда не были в России. По нашим наблюдениям, после первой же практики в России китайцы делают заметный скачок в усвоении русского языка, а до такой практики накапливают пассивные знания и с разной степенью успеха способны выражать свои суждения по-русски. Для того чтобы понять их затруд-

¹ Сбор данных осуществлялся при поддержке программы «Профессор русского мира», благодаря которой я оказалась на 2 месяца в Пекинском университете в сентябре-ноябре 2013 г. Анализ проводился в рамках программы фундаментальных исследований Секции языка и литературы ОИФН РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики», проект «Инофон в современном русскоязычном обществе: становление грамматической системы» (руководитель д.ф.н. проф. С.Н. Цейтлин).

нения на начальных этапах изучения русского языка, стоит вспомнить, насколько различаются по своему фонетическому, грамматическому и графическому устройству русский и китайский языки, и признать, что знатоков китайского в России значительно меньше, чем китайцев, владеющих русским языком, хотя в процентном отношении ко всему населению эти данные, вероятно, сопоставимы.

По непроверенным данным, которые приводятся в Интернете ссылкой на Министерство образования Китая, русским языком в той или иной степени уже владеют 60 тыс. китайцев, а изучают его сейчас еще 40 тыс. студентов и 80 тыс. школьников. Русский язык изучается в Китае более трехсот лет (Чжэн Тиу 2009). Согласно данным Китайской ассоциации преподавателей русского языка и литературы, в 2011 г. в Китае 20 000 студентов занимались по специальности «Русский язык и литература» в 120 вузах. Нефилологи изучали русский язык более чем в 300 вузах, а более 10 000 человек едут каждый год на учебу в Россию. Кроме этого, около 50 000 человек изучают русский язык в школе (Лю Диминь 2011: 71, 101). В России также значительно вырос интерес к китайскому языку. Как пишет популярная журналистка Н. Иванова-Гладильщикова, «По статистике, за границей число людей, в разных формах изучавших китайский, превысило 30 миллионов; в 100 странах есть более 2500 институтов, преподающих китайский язык. И в 50 странах мира сегодня открыто более 130 институтов Конфуция (в том числе в Санкт-Петербурге, Новосибирске, Иркутске, Владивостоке, Улан-Удэ и Благовещенске). Но число жителей Китая, знающих русский язык, превышает количество россиян, знающих китайский» (http://chinaterraincognita.blogspot.ru/2007/09/blog-post_06.html). Ситуация с изучением русского и китайского языков важна для нас потому, что овладение языками, настолько далекими друг от друга типологически, без специального обучения практически неосуществимо. Хотя сведения о типологических особенностях языков в наше время не составляют никакой тайны, мы приводим здесь краткий сравнительный обзор, который позволит объяснить письменные ошибки китайцев в русском языке.

2. Русский и китайский как типологически различные языки

Китайский язык относится к сино-тибетской семье и является самым распространенным в мире языком по числу носителей. Сведения о количестве говорящих по-китайски расходятся: например, в Интернете

приводится цифра в 1,213 млрд носителей, в то время как число жителей Китая, по данным 2010 г., составляет 1 миллиард 347 миллионов 380 тысяч человек. При этом считается, что еще около 25 млн китайцев проживают в других странах. В любом случае несомненно, что китайский язык лидирует по числу носителей, хотя, возможно, в качестве международного языка уступает английскому. Не последнюю роль в том, что распространение китайского языка как иностранного происходит медленно (число носителей китайского среди иностранцев значительно уступает числу китайцев), играют его типологические особенности.

То, что русский и китайский языки относятся к разным семьям, означает, что между ними не наблюдается языкового родства, иными словами, невозможно ждать, что сходные понятия будут обозначаться похожими корнями, как это бывает в индоевропейских языках. Более того, китайский язык мало приспособлен к заимствованиям. Он почти не имел прямых заимствований, однако широко пользуется семантическими кальками, так, электричество обозначается тем же иероглифом, что и молния, компьютер получил сложное наименование, означающее 'электрический мозг', ноутбук обозначается как 'тетрадь-компьютер' и т.д. В последние десятилетия появились и фонетические заимствования, но их число по-прежнему незначительно². Заметим, что заимствования из китайского языка в русском тоже немногочисленны. Сразу можно вспомнить наименования *чай*, *женьшень*, *фэншуй*, философские понятия *инь* и *янь*, названия плодов, такие как *личи* и *кумкват*, традиционные виды боевых искусств и гимнастик типа *ушу*, *цигун*, *кунфу*. Итак, китайский и русский языки не являются родственными и взаимопроникающими. Поэтому направленное обучение является единственным способом овладения китайцами русским, а русскими китайским языком. При таких различиях естественное двуязычие даже в местах контакта практически неосуществимо и реализуется лишь в виде русско-китайского пиджина (Перехвальская 2008).

Как писали 70 лет назад в предисловии к китайской грамматике А.И. Иванов и Е.Д. Поливанов, «Строго говоря, точного соответствия нашим единицам языкового мышления (звукопредставлению-фонеме, слову, предложению) в современном китайском языке не существует»,

² Хотя ссылки на Википедию в научной литературе не приняты, статья о китайском языке написана профессионально и может быть рекомендована для первого знакомства <http://ru.wikipedia.org/wiki>, Китайский язык.

а также «надо сознательно согласиться с тем, что деление речи на элементы (лексические, морфологические и фонетические) носит в китайском языке специфический характер и сплошь и рядом не находит равновеликих соответствий в единицах европейского языкового мышления» (Иванов, Поливанов 2003: 3, 13). Далее авторы приводят множество различий между русским и китайским языками как в семантике языковых единиц, так и в их форме. При этом бросается в глаза, что единицы разных уровней китайского языка отличаются от привычных индоевропейцам единиц своей сложностью и композициональностью: так, элементарной фонетической единицей является не фонема, а слог, причем большинство лексем представляют собой двуслоги. Односложные понятия «дорастиваются» до двусложных путем инкорпорации объектов (иногда семантически пустых). Авторы приводят в пример тавтологические сочетания типа *шо-хуа* ‘говорить слова’ или *шуй-е*⁴ ‘спать ночь’. Речь идет не о простом различии между идеальными морфологическими или фонологическими типами языков, не о том, что в китайском языке, например, отсутствует противопоставление по звонкости-глухости, но есть придыхание и различаются тоны, распространены композиты, но отсутствует деривация. Речь идет о другой разновидности языкового мышления, овладение которой и составляет главную задачу китайца, изучающего русский язык, или русского, овладевающего китайским. Несмотря на то, что эти положения, высказанные авторами в 1930 году, впоследствии были значительно уточнены, глубокие различия между грамматической и фонологической системами обоих языков признавались всеми лингвистами. Так, С.Е. Яхонтов указывает на то обстоятельство, что в китайском языке слабо различаются части речи, например, прилагательные и глаголы, хотя в целом их частеречную принадлежность можно определить по синтаксической сочетаемости (Яхонтов 1957: 14-16). Иными словами, в китайском языке отсутствует основной для русского языка морфологический способ опознания части речи.

Существенно то, что китайский язык обладает самой древней письменностью из всех применяемых в настоящее время. Однако и в этой области существуют кардинальные различия между китайским иероглифическим и русским фонематическим письмом. В китайской письменности каждый иероглиф обозначает отдельный слог и отдельную морфему. Знание 500 наиболее частотных иероглифов достаточно для понимания 80% обычного современного китайского текста, но наибо-

лее полный словарь иероглифов *Чжунхуа цзыхай* («Море китайских иероглифов» 中華字海) издания 1994 года содержит 87 019 иероглифов. Предшествующие издания содержали более скромный набор, так, Н.А. Спешнев ссылается на словарь *Чжунхуа да цзыдянь*, содержащих более 48 000 знаков (Спешнев 1980: 117).

А.И. Иванов и Е.Д. Поливанов обращают внимание также на то, что в китайском языке «нормальным является именно несовпадение между словом (или лексической единицей) китайского письменного языка и словом кит. разговорного языка. В виде доминирующей нормы видом слова в китайском письменном языке является односложная величина, обозначаемая 1 знаком иероглифической письменности, а нормальным видом элементарного слова разговорного языка является сочетание из двух лексических морфем (следовательно, почти всегда из двух слогов), которым соответствуют два знака иероглифической письменности (сюда войдут и двухэлементные инкорпорации и аффиксации – из 1 лексической морфемы и суффикса или префикса)» (Иванов, Поливанов 2003: 14).

Мы прилежно выписали эти выдержки из различных сочинений виднейших синологов для того, чтобы показать, что рядовой преподаватель русского как иностранного чаще всего даже не отдает себе отчета в том, насколько различны языковые системы русского и китайского языков. Зная все это, мы не можем удивляться тому, что наш тип письменности в целом и кириллица в частности представляют собой трудную задачу для китайца. Опираясь на типологические различия между языками, можно выделить в письменной речи разные виды ошибок. Некоторые из них мы будем называть *симптоматическими*. К ним относятся такие, которые объясняются типологическими различиями языков. Под *симптоматическими* ошибками здесь понимаются не только так называемые ошибки трансфера (т.е. прямой перенос понятия или грамматического явления из родного или ранее изучаемого языка в язык-цель), но также любое неразличение тех грамматических и фонетических признаков, которые отсутствуют в родном языке учащихся. *Несимптоматические* ошибки могут встретиться у говорящих на любом языке, они не продиктованы бессознательным применением правил и особенностей родного языка к языку изучаемому.

Данными для этой статьи послужили письменные работы (изложения, письменные упражнения и сочинения) студентов 3 курса факультета русского языка Пекинского университета. Они были посвящены

следующим темам: «Книга в моей жизни», «Здоровье и учеба», «Покупки», «Отдых и праздники». Большая часть текстов представляет собой изложения, таким образом, отбор лексических и грамматических единиц осуществлялся лишь в ограниченном объеме.

3. Фонологические и графические ошибки

Этот вид ошибок связан с упомянутыми выше различиями между китайским и русским языками, т.е. относится в основном к симптоматическим. Часто, особенно при написании изложения, студенты пытаются на слух уловить незнакомые слова и передать на письме их звучание так, как они слышат, например, *в России 50000 библиотек*. Часто иностранцы не соблюдают принцип морфемного единообразия, т.к. не знакомы с морфемным делением русских слов, особенно историческим, ср. написания числительных типа *пятидесят, восьмидесят*. С другой стороны, сам принцип морфемного единообразия усваивается довольно рано. Его действие можно наблюдать в тех случаях, когда студенты ассоциируют незнакомое слово с уже известным, например: *ярославский актер Волги* (Волков), *Федор Волгов*. Маловероятно, чтобы такое соотнесение было сознательным, скорее всего, здесь действует не морфемный, а слоговой принцип, характерный для китайского языка, точнее, слоговой и морфемный принципы контаминируются в некий прецедентный принцип письма «можно писать только то, что уже было написано». Однако, как мы увидим позже, этот принцип не является всеобъемлющим. Зачастую студенты пытаются передать звучание текста, не заботясь о «прецедентном принципе».

Огромное количество графических ошибок обусловлено различиями фонологических систем русского и китайского языков. Наиболее многочисленными из них являются случаи замены звонких глухими и наоборот, ср. написания: *рядом* (рядом), *трудно* (трудно), *книжки* (книжки), *праздновать день Бабеты* (Победы) *по своему образу, ходя* (хотя) *есть еще хорошие экранизации*. Другие случаи графических ошибок связаны с попытками придать русским согласным несвойственные им признаки, что тоже обусловлено китайской фонологической системой. Так, например, в китайском языке при неразличении звонких и глухих согласных есть чистые и придыхательные, поэтому китайцы, возможно, слышат придыхание там, где его нет: *харикатуры* (карикатуры), *всей духой* (душой). В последнем случае затруднения могут быть вызваны не только фонологическими проблемами, но и графическими сложно-

стями: китайские студенты обычно приступают к изучению русского языка после того, как овладевают английским. Кроме того, они знакомы с системой транскрипции пиньинь, которая позволяет передать на латинице звучание китайских слов. Иными словами, кириллица является третьей графической системой, которую они должны освоить, и она накладывается на две первые системы, взаимодействуя с ними причудливым образом. В данном случае ошибка может быть связана с тем, что буква *h* в пиньине участвует в передаче звука [ш].

С другой стороны, распространено неразличение переднеязычных согласных, ср. примеры: *засченчивая, обшалась, обрачусь к врачу*. Такие ошибки не являются исключительной особенностью китайских студентов, они есть в речи всех иностранцев, а также встречаются у русских детей и афатиков. Обилие переднеязычных согласных, которые отличаются только по способу образования (смычные – щелевые – аффрикаты), приводит к их слабой противопоставленности в системе русского языка. Как следствие, они позже усваиваются и раньше перестают различаться при языковом распаде в полном соответствии с гипотезой Р.О. Якобсона о том, что универсальные звуки усваиваются раньше и исчезают позже, чем идиоэтнические (Якобсон 1985). Сравнительно небольшой процент графических ошибок можно связать со своего рода графическими ассимиляциями, ср. *турусты, на берегу Волгу*.

Симптоматическими, однако, свойственными не только китайцам, можно считать также ошибки, так или иначе связанные с передачей на письме мягкости типа *занятия*, а также с тем, как в разных случаях обозначается на письме *Й*, ср. Росейи. Итак, причиной симптоматических ошибок может быть как родной язык учащихся, который заставляет их «привносить» в русскую фонетическую систему те характеристики, которые ей не свойственны, так и свойства русской языковой системы, ее «перенасыщенность» звуками определенного места образования или условности в передаче некоторых видов звучания.

4. Грамматические ошибки (симптоматические): формы числа

Из числа грамматических ошибок наиболее частотны и характерны для речи китайцев ошибки в употреблении форм числа. Они абсолютно преобладают в наших данных и потому требуют особенного внимания. При этом тривиальных ошибок, состоящих в употреблении неверной формы типа *полкило ананасы*, оказывается немного – простые правила китайские студенты выучивают и употребляют очень прилеж-

но. Речь идет о менее тривиальных случаях, допускающих разные трактовки. Оказывается, что на этом этапе студенты хронически неспособны выбрать правильное окончание ед. или мн. ч., если в норме встречается и то, и другое, например: *собирать ручку – это мое новое хобби, и из-за этого я трачу деньги, в магазине есть много видов открытки, она совсем потеряла интерес к открытке, я любитель марки*. Оказывается, правила выбора форм числа в русском языке достаточно рафинированные, ведь мы вполне можем сказать: *я любитель портвейна, шашлыка, бараньего рагу*, но быть «любителем марки» невозможно по многим причинам. Во-первых, если существительное конкретное (т.е. имеет две четко противопоставленные формы числа), то после слова *любитель* выбирается только форма мн.ч., ср. *я любитель бабочек, любитель приключений*. Форму ед.ч. после слова *любитель* принимают вещественные существительные (ср. *любитель сидра, пюре, тархуна*, но *сосисок, котлет, сигар*). При этом можно быть любителем грузинских вин, но не итальянских масел, голландских сыров или немецких колбас, но не французских сидров. Вероятно, это имеет когнитивные причины – сорта и разновидности продуктов должны быть в достаточной степени выделены в сознании носителей языка, поэтому некоторые «бренды» можно употребить после слова *любитель* как в ед., так и во мн. ч., другие же названия этого не допускают (ср. *любитель французского вина* или *французских вин*, но невозможно *любитель немецких пив*).

Может играть роль также и грамматическая характеристика слова: скорее всего, вещественные существительные ср.р. (*пиво, молоко, мороженое*) не склонны образовывать форму мн.ч., даже если их семантика позволяет выделить четкие подклассы. Исключением здесь, по видимому, является слово *лекарство*, свободно образующее форму мн.ч., но с трудом входящее в числовые выражения, ср. *два лекарства*, но *?восемнадцать лекарств*. Интуитивно можно сказать, что *лекарство* может соединяться с обозначениями малых количеств. При этом само слово *много* легко присоединяет к себе мн.ч. *много лекарств*. Неудивительно поэтому, что в письменных работах китайцев мы встречаем выражения типа *пришлось принимать массу лекарств*. Парадоксально, что слово *масса* как раз оказывается неспособным соединяться с вещественными существительными, ср. *он съел массу пончиков*, но не *массу творога*. Кстати, и с пончиками дело не так просто: наиболее часто слово *масса* указывает на некую разнородность типов перечисляе-

мых объектов, ср. например: *он перепробовал массу ракеток и только эта оказалась ему удобна.*

Иными словами, выбор вершины количественного выражения представляет собой нетривиальную задачу в русском языке, однако в этом отношении русскому языку далеко до китайского, в котором различают до 200 различных счетных слов, выбор которых зачастую объясняется идиоматически. Иными словами, выбор счетного слова не является диковиной для китайца, однако необходимость облигаторного выбора формы числа застает его врасплох. Дело в том, что в китайском языке существует факультативная форма множественного числа, образуемая суффиксом 们 (men). Однако, в отличие от русского окончания мн.ч., эта форма присуща только существительным, обозначающим лиц, и личным местоимениям.

Возможно, именно наличие счетных слов (и в целом склонность китайского языка к аналитическому способу выражения грамматических значений) приводит к избыточному употреблению слова *один* в следующих контекстах: *ты поможешь мне выбрать одни кроссовки, папа купил мне одни синие брюки.* В русском языке такое употребление не запрещено, но оно должно быть мотивировано, например: *за всю жизнь папа купил мне одни синие брюки.* Загадочным для меня стало выражение *два полкило колбасы*, которое, вероятно, объясняется внеязыковыми реалиями.

Логичным для русских оказывается выбор мн.ч. объекта, если действие, которое с ним совершается, многократное, ср. следующие ошибки: *в свободное время я часто хожу в библиотеку и читаю книгу, у меня появилось новое хобби – это путешествие, он часто ездит в путешествие со своими друзьями.* Необходимость употребления форм мн. ч. здесь определяется семантикой обстоятельственных детерминантов, указывающих на повторяемость действия (*часто*) или других лексических элементов (*хобби*), указывающих на множественность объектов при повторяющемся действии. Любопытно, что в целом студенты очень чутки как раз к лексическим указателям множественности, ср. те случаи, когда под влиянием этих показателей они выбирают ошибочную форму мн.ч.: *люблю смотреть анимации, при многих занятиях и информациях, хор молодежи и студентов.* Ошибки в данном случае обусловлены тем, что собирательные (*молодежь*) и абстрактные (*анимация, информация*) существительные относятся к нечисляемым, в противном случае, исходя из ситуации, следовало бы

употребить форму мн.ч. Немаловажно также и то обстоятельство, что существительные в составе однородного ряда имеют тенденцию к грамматическому подобию (ср. правила выбора падежа у однородных существительных или рода у однородных прилагательных).

5. Лексические ошибки: слово и дело

Во многих текстах встречаются гиперонимы, или слова с широким значением такого типа: *трудное дело – это вырастить детей*. В данном случае слово *дело* употреблено к месту, только порядок слов следовало бы изменить таким образом, чтобы предикат оказался после субъекта. Однако во многих случаях слово *дело* в студенческих работах явно избыточно, ср., например: *Но самое важное дело – я не могу есть, если заболею, я испугаюсь делать уколы, это очень болитный* (контаминация *болезненный* и *болит*, вернее, инновация на основе глагола). Необходимость употребить опорное существительное при прилагательном обусловлена, с одной стороны, грамматическими особенностями китайского языка (изолирующим строем и обилием счетных, по сути дела также опорных, существительных), а с другой стороны, подготовлена той склонностью китайского языка к лексической избыточности, которую отмечали А.И. Иванов и Е.Д. Поливанов. Китайский язык обладает развитой системой служебных слов, включающей предлоги, послелого, союзы, частицы, счетные слова, показатели членов предложения, нейтрализаторы предикативности. Кроме того, привычно употреблять «пустые», т.е. избыточные, дополнения. Видимо, эти свойства и заставляют китайских студентов порождать такие грамматичные, но нехарактерные для русских сочетания, как *это дело удивляет меня*.

Заметной разновидностью лексических ошибок является употребление слова без учета его многозначности или синтагматических связей, ср. пример: *большинство русских живые*. Речь идет о том, что у большинства русских, по мнению автора, живой характер или живые и эмоциональные лица. Оба предположения могут быть верны, так как сочинение написано в рамках темы «Человек. Портрет. Характер». В таком случае наблюдается то, что называют неидиоматической речью: говорящий не знает, какое выражение употребил бы носитель языка, и поэтому придумывает свой способ выражения мысли, который, как правило, оказывается неточным, ср. *время прошло, и все поменяли вид* (т.е. изменились). Иногда приходится изобретать не существующую в

языке форму, ср.: *Анна сняла очки и положила спать*. Разумеется, существование таких глаголов, как *усесться* или *улечься*, вызывает к жизни инновации типа *положилась*, но здесь нужно иметь в виду, что словообразовательные модели обычно используют строго определенные форманты, так что наличие схемы *лечь* → *улечься*, *сесть* → *усесться* не предполагает расширения за счет *ложиться* → *положиться*, тем более что глагол *положиться на + кого, что*, в соответствии с определением МАС, имеет совсем другое значение (понадеяться на кого-либо, довериться кому-либо) (<http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/search.asp>). Иными словами, можно рискнуть и образовать слово, которого не хватает, но стоит проверить по словарю, есть ли оно в русском языке и не имеет ли другого значения.

6. Особенности порядка слов и логические ошибки

Хотя русский и китайский языки заметно различаются порядком слов, это, казалось бы, не должно вызывать значительных трудностей: ведь известно, что в русском языке порядок компонентов отличается значительной свободой и используется для смыслового выделения отдельных членов и актуального членения предложения, в то время как в китайском языке фиксированный порядок слов, который является единственным способом отразить и синтаксические отношения между словами, и их частеречную принадлежность, см. (Гао Синь 2007). Ошибки в выборе порядка слов в русском языке, действительно, позволяют предположить влияние китайского языка, ср. *Книги с занимательным сюжетом мне тоже нравятся, которые начнешь читать и уже не оставишь*. В главном предложении порядок слов избран формально: подлежащее (*книги*) стоит на первом месте, хотя является ремой и, в силу этого, по-русски должно стоять в конце. Из-за этого происходит разрыв между главным и придаточным, недопустимый в русском языке. Всякого рода инверсии тоже могут употребляться студентами некорректно, ср. *В общем, ждет много интересного того, кто посетит Санкт-Петербург*. В данном случае подлежащее является темой и должно, наоборот, стоять в начале, т.к. обобщает сказанное ранее. Как видно из последнего примера, построение сложноподчиненных предложений вообще вызывает трудности. Одна из них – избыточное употребление придаточных, ср. *Запомните эти слова, которые важные*.

Как можно было заметить, во многих случаях родной язык и его правила являются помехой в усвоении второго языка и причиной так

называемого «трансфера» – переноса особенностей родного языка на материал языка чужого. Однако на этом этапе усвоения языка можно заметить и обратное явление: изучаемый язык и его конструкции служат «локомотивом» для высказывания, причем говорящий на чужом языке нередко допускает логические просчеты и говорит не то, что хочет, т.к. не до конца понимает правила употребления форм и конструкций. Например, предложение *Каждый раз, когда я думаю об отце, я смеюсь от всей души* – кажется русскому загадочным, потому что сама реакция неконвенциональна и потому нелогична. Часто бывает, что студенты неверно употребляют усилительные или противительные союзы, ср. *Глаза большие, но рот маленький, более того, у него густые черные брови*. Если противопоставление еще можно принять (можно подумать, что у человека с большими глазами и другие черты лица крупные), то форма бровей никак логически не связана с размером рта и глаз, так что усиление звучит смешно. Противопоставления тоже часто неуместны, ср.: *Может быть, на вид он немного серьезен. На самом деле, он мягкий и интересный человек*. Непонятно, почему человек не может быть одновременно серьезным, мягким и интересным. Чаще всего бывает, что наименования этих качеств в родном языке студентов обладают несколько другим значением и могут быть противопоставлены, в то время как в русском это звучит необычно.

Часто бывает, что учащиеся употребляют фразеологические сочетания, не понимая до конца их значения или коннотации, ср. *если ты хочешь учиться русский язык хорошо, тебе надо зачитывать книги до дыр*. Этот фразеологизм имеет изначально отрицательную коннотацию, которая со временем стала меняться – способность вдумчиво и детально разбираться в тексте в наше время оценивается положительно. Однако первоначальная отрицательная коннотация проявляется в запрете на контролируемость: зачитывать до дыр можно только непреднамеренно, отсюда и невозможность использования этого фразеологизма в контексте модальности долженствования. Аналогично, неверное понимание коннотации мешает автору следующего примера: *чтение раскрывает мне глаза на прекрасный мир культуры*. Эта распространенная ошибка связана с тем, что выражение *раскрыть кому-л. глаза на что-л.* связано с отрицательной оценкой наблюдаемого события, ср. *друзья раскрыли ему глаза на предательство жены*. Необходимость раскрыть глаза связана с тем, что тайное событие играет отрицательную роль в жизни того, кто его не замечает. Поэтому *прекрасный мир*

культуры никак не может быть стимулом такого действия. Во всех описанных в последней части случаях речь идет, конечно, о неточностях в сфере выражения языковых значений, однако на сей раз причиной ошибки является уже использование реалий русского языка, поэтому можно сказать, что такие неточности должны скорее радовать, чем огорчать преподавателя и самих студентов. Ведь такие неточности говорят о том, что учащиеся уже перешли грань между родным и чужим языком и находятся «в поле действия» изучаемого языка. С функциональной точки зрения, риск совершить ошибку искупается стремлением усвоить не только систему правил, но и систему ценностей русского языка.

7. Предварительные итоги

Мы рассмотрели здесь некоторые типичные ошибки китайских студентов, изучающих русский язык. Этот материал интересен из-за больших типологических различий между родным и изучаемым языком, которые особенно затрудняют процесс усвоения последнего. Китайский язык значительно отличается от русского своим фонологическим устройством, системой письма и грамматическим строем, кроме этого, он генетически далек от индоевропейских языков. Все эти обстоятельства приводят к тому, что изучение русского языка китайцами (и китайского русскими) фактически невозможно без направленного обучения и даже в условиях квалифицированного и интенсивного обучения не становится легким. Ошибки в письменной речи китайцев можно разделить на симптоматические, или ошибки трансфера (т.е. происходящие от переноса особенностей китайского языка на русский), и не-симптоматические, обычно встречающиеся в речи носителей самых разных языков, изучающих русский.

Уже на фонетическом уровне происходят многочисленные сбои понимания и речепроизводства: они касаются неразличения специфических для русского языка переднеязычных фонем и путаницы между глухими и звонкими согласными. Эти ошибки целиком можно отнести за счет трансфера. А неразличение твердых и мягких и различные способы передачи мягкости на письме относятся к объективным трудностям русской орфографии и свойственны не только китайцам, но и другим иностранцам.

Грамматические ошибки китайцев в основном следует рассматривать как симптоматические ошибки, т.к. необязательность грамматиче-

ского маркирования объясняется отсутствием флексий в изолирующем языке. Это приводит к формальным и семантическим сбоям в образовании и употреблении форм числа.

На синтаксическом уровне бросаются в глаза ошибки, связанные с порядком слов русского языка. И здесь чаще всего виновником оказывается родной язык учащихся. Перемена происходит только тогда, когда мы обращаемся к лексике и фразеологии. Здесь преподаватель сталкивается с тем, что идиоматические конструкции русского языка могут оказаться ведущими в речи учащихся, так что выбор того или иного выражения, словообразовательной модели или синтаксического построения может незаметно для говорящего изменить сам смысл его высказывания или придать ему нежелательные оттенки и коннотации. Однако такие (несимптоматические) ошибки свидетельствуют о переходе на новый уровень овладения языком, который вскоре приведет к его совершенному использованию.

Литература

- Гао Синь (2007) *Порядок слов в русском языке в зеркале китайского языка*. Канд. дис. Москва: МГУ.
- Иванов, А.И., Поливанов, Е.Д. (2003) *Грамматика современного китайского языка*. Москва: УРСС.
- Лю Лиминь (2011) *Русский язык в Китае 1949–2009*. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press.
- Перехвальская, Е.В. (2008) *Русские пиджины*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Спешнев, Н.А. (1980) *Фонетика китайского языка*. Ленинград: Изд-во ЛГУ.
- Солнцев, В.М. (1990) Китайский язык. В: Ярцева, В.Н. (ред.) *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия, 225.
- Софронов, М.В. (2007) *Китайский язык и китайская письменность*. Москва: АСТ.
- Сторожук, А.Г. (2010) *Введение в китайскую иероглифику*. Санкт-Петербург: Каро.
- Чжэн Тиу (ред.) (2009) *Триста лет русскому языку в Китае*. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press.
- Якобсон, Р.О. (1985) Звуковые законы детского языка и их место в общей фонологии. В: Якобсон, Р.О. *Избранные труды*. Москва: Прогресс, 105–115.
- Яхонтов, С.Е. (1957) *Категория глагола в китайском языке*. Ленинград: Изд-во ЛГУ.